

КАФЕДРА

Век лжи и грубой силы

Алексей Плещеев: поэт, революционер, солдат, пушкинист

Любовь Пустильник

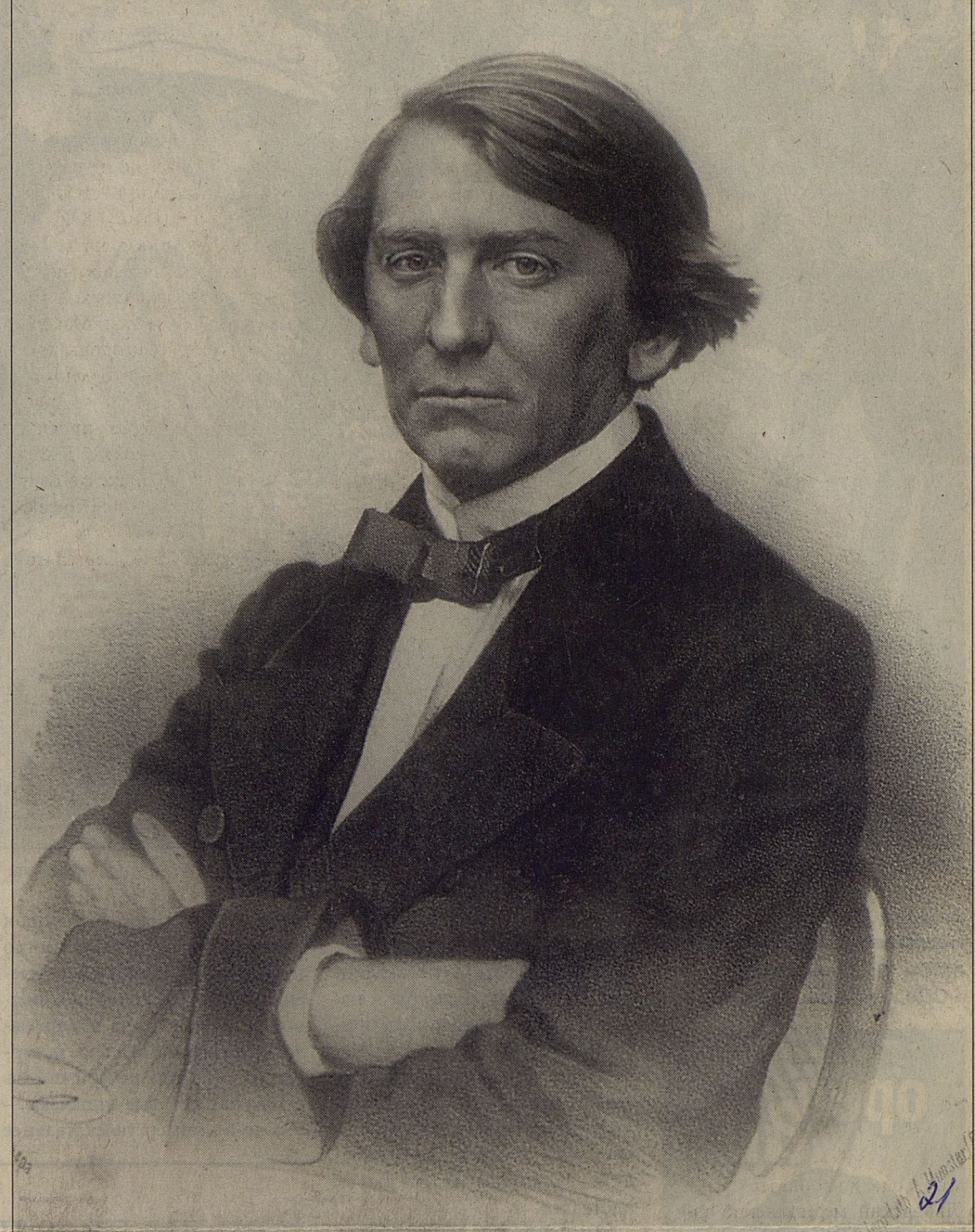
Петрашевец и солдат

Алексей Николаевич Плещеев (1825–1893) вошел в литературу в ту пору, когда едва смолк пистолетный выстрел, оборвавший жизнь Пушкина. Пушкин был для Плещеева «Богом», «Гринвичским меридианом поэзии», а его творчество тем родником, из которого надо черпать, ведь «в нем нет красноречия – одна поэзия, никакого наружного блеска, все просто, все исполнено блеска внутреннего, который раскрывается не вдруг, – в каждом слове – бездна пространства, каждое слово необъятно, как поэт».

К первым же своим стихотворениям Плещеев берет эпиграфы из пушкинских произведений: «В те дни, когда мне были новы все впечатленья бытия», «Что пройдет, то будет мило». Он знал наизусть всего Пушкина, нередко, выступая на литературных чтениях и вечерах, читал пушкинские стихи. Особенно он любил «Брожу ли я вдоль улиц шумных...».

Замечательные пушкинские стихи звучали на тайных заседаниях петрашевцев. Даже после той страшной драмы, которая разыгралась с Плещеевым и его товарищами-петрашевцами в 1849 году – заточения в Петропавловской крепости, смертного приговора, эшафота, когда первоначально он был приговорен к 4 годам каторжных работ, которые по молодости лет были заменены солдатчиной, в ее тяжелейших условиях он не расставался с томиком стихов Пушкина. С большим трудом пересылал письма в Петербург, в которых просил мать подписаться на полное собрание сочинений Пушкина. И когда до него дошел первый том (их было два), он с огромной радостью читал любимые стихи окружающим в солдатской казарме.

Когда поэту после десятилетней солдатчины удалось вырваться на свободу, несмотря на то что он находился под строжайшим секретным надзором в течение двух десятилетий до 1871 года, он в своих стихах и неоднократно обращается к памяти Пушкина. Стихотворение «Юность, где же ты?» («К молодому поколению») было написано под воздействием пушкинского «По

Алексей Плещеев – петрашевец.

Фотография 1840-х годов

недавно введены в оборот его критические статьи. Они посвящены русским и зарубежным поэтам и писателям. Написанные необыкновенно интересно, они легко читаются. Несколько из них посвящены поэзии Пушкина, его литературной деятельности. Еще в 40-е годы Плещеев в одной из статей с восхищением писал о пушкинском умении создавать характеры. Этим, в частности, по его мнению, отличался роман «Евгений Онегин». Особенно выделил он великодушный образ Татьяны. Он создан «верно, просто, художественно. А согласитесь, понять Татьяну и верно воспроизвести ее чего-нибудь да стоит. Татьяна – это не какое-нибудь водеvilное лицо, в котором нет ни капли истины, которое только и сущест-

тво не видел, все это есть состояние личности. Они посвящены русским и зарубежным поэтам и писателям. Написанные необыкновенно интересно, они легко читаются. Несколько из них посвящены поэзии Пушкина, его литературной деятельности. Еще в 40-е годы Плещеев в одной из статей с восхищением писал о пушкинском умении создавать характеры. Этим, в частности, по его мнению, отличался роман «Евгений Онегин». Особенно выделил он великодушный образ Татьяны. Он создан «верно, просто, художественно. А согласитесь, понять Татьяну и верно воспроизвести ее чего-нибудь да стоит. Татьяна – это не какое-нибудь водеvilное лицо, в котором нет ни капли истины, которое только и сущест-

не мог позабыть их». Следуя Пушкину – великому поэту и его «умной музе», Плещеев воспевал «дружную семью» борцов за свободу, верил в то, что не пропадут усилия и труды декабристов – старшего для петрашевцев поколения, впервые поднявшего святое знамя ратоборцев.

Плещеев посвятил поэту стихотворение «Памяти Пушкина», проникнутое восторженной любовью к тому, кто оставил «неизгладимый след в памяти народной», чья муза волновала сердца, в которых «вечно будет жить благородный образ гениального поэта». Он читал его на открытии памятника Пушкину в Москве в 1880 году и потом на заседании «Общества любителей российской словесности». Стихотворению предпослано два эпиграфа из пушкинских стихов: «Да здравствует солнце, да скроется тьма». И «Пока надеждою горим! Пока сердца для чести живы, Мой друг, Отчизне посвятим! Души прекрасные порывы: Мы чтить тебя привыкли с детских лет, И дорог нам твой образ благородный; Ты рано смолк; но в памяти народной Ты не умрешь, возлюбленный поэт! Бессмертен тот, чья муза до конца Добру и красоте не изменяла, Кто волновать умел людей сердца, И в них будить стремленье к идеалу; Кто сердцем чист средь пошлости людской, Средь лжи кто верен правде оставался И кто берег ревниво светоч свой, Когда на мир унылый мрак спускался. И все еще горит нам светоч твой, Все гений твой пути нам освещает; Чтоб духом мы не пали средь невзгод, О красоте и правде он вещает. Все лучшие порывы посвящать тебе, Отчизне ты зовешь нас из могилы В продажный век, век лжи

и грубой силы
Зовешь добру и истине служить.
Вот почему, возлюбленный поэт,
Так дорог нам твой образ благородный;
Вот почему неизгладимый след
Тобой оставлен в памяти народной!

По инициативе Плещеева в начале 80-х годов в Петербурге был создан Пушкинский кружок, куда входили как маститые, так и молодые поэты. На его заседаниях читались стихи Пушкина, обсуждалось своеобразие его мастерства. В ту пору была учреждена Пушкинская премия, получение которой было высшей наградой для поэтов и писателей, удостоившихся ее.

Плещеев с большим удовольствием встретил признание Пушкинской премии Надсону, которого он отечески опекал. Затем позднее Чехову, считая, что важна не столько денежная, сколько нравственная сторона этой награды. Пушкинский кружок приобрел огромную популярность среди петербургских любителей поэзии. Заметим, что там был устроен и «Плещеевский вечер», где наряду с произведениями Пушкина звучали и стихи Плещеева.

Миленький Лермонтов

Подобно тому, как «эстетическая» критика искажала характер пушкинского творчества, она с той же усердностью выхолащивала гражданский пафос поэзии Лермонтова. Уместно вспомнить, что Сенковский, например, не находит в стихотворениях Лермонтова никаких идей, они лишь прекрасное средство для получения удовольствия – это – писал он, – «собрание пьес, болшею частью очень коротких, но всегда чрезвычайно милых и показывающих в авторе прелестный поэтический талант...». В представлении даже такого критика, каким был известный цензор А.В. Никитенко, близкий к передовым кругам, поэзия Лермонтова тоже «милое и прелестное» явление. «Мы за то и благодарны господину Лермонтову, – писал он, – что у него идеи сделались премилыми, преумными пьесками; он (то есть идеи. – Л.П.) вот как-то сосредоточились в его теплой и крепкой душе, не разлетелись в разные стороны по пространству бесконечно, организовались, как следует всему живому в природе, получили такое хорошее тело, стройное, здоровое, белое, с самой прекрасною головкою, с глазами, полными страсти и ума, с носиком, немножко вздернутым, и потому, что это уж нечто фамильное у олицетворенных идей нашего века: но ведь это только новый оттенок прелести».

Стихи Лермонтова находили самый горячий отклик в сердце Плещеева и в его суждениях о них. Очень любил лермонтовскую «Думу», даже озаглавив так одно из своих ранних стихотворений, явно созвучное лермонтовскому. Плещееву дорог гражданский характер лермонтовской поэзии, в мучительных противоречиях Лермонтова он видит нечто созвучное своим переживаниям. Жаждавший деятельности на благо Отчизны и бессильный что-либо свершить, Плещеев воспринял многие мотивы лермонтовской лирики близко к сердцу. Его волнует «Демон» и, особенно, «Поэт» («Отделкой золотой блистает мой кинжал», тема пророка-борца).

В своем стихотворении, также озаглавленном «Поэту», он зовет служить обществу, строить мир на основах «истины и справедливости», осуждает косность, равнодушие и бесцеречность людей своего класса. Плещеев раскрывает важность даже стихов

ранней молодости Лермонтова, ведь они показывают, откуда берет начало свое «величественная река, орошающая многолюдные города, луга, долины».

Глазами современника следит он за тем, как все больше и больше становятся известными не только лермонтовские стихи, но и проза даже за пределами России. Он с удовлетворением подчеркивал, что «Бэла» переводится на

народному горю и сознать свои гражданские к народу обязанности». Через все статьи Плещеева красной нитью проходит мысль о Некрасове как о певце тех, кто обездолен, отбываемых «страшной, жгучей болью на воли и стоны всего угнетенного и страждущего».

Следует заметить, что посвящение Плещеевым Некрасову специальных работ важно еще и потому, что Черны-

ем творчестве, и в поэзии многих, например у Ивана Сурикова. Плещеев убежден, что произведения Некрасова «не умрут, пока на Руси будет биться хоть одно сердце, жаждущее блага своей Родины».

Заметим, Плещеев признает право на существование таких поэтов, у которых не найдешь «надрывающего сердце вопля, исторгнутого из груди житейской неправдой, как это имеет место у Некрасова, но и

Чрезмерная щепетильность Добролюбова и Чернышевского лишила нас возможности изучить подробно их отношение к Некрасову

французский язык в журнале «Illustration». Заметьте, подчеркивал он, что это второй перевод. А за два года до этого в «Democratic Pacifique» был уже напечатан полный перевод «Героя нашего времени»: «Не знаем, как сделан второй перевод, но, во всяком случае, это доказывает, что французы

шевский и Добролюбов о поэте не писали ничего, кроме разрозненных фраз в различных статьях, считая невозможным посвящать специальные статьи редактору своего журнала. Эта чрезмерная щепетильность великих критиков лишила нас возможности изучить подробно их отношение

их творчество важно для русской поэзии».

В конце хочется предложить читателям не публиковавшееся ранее стихотворение Плещеева, не входившее ни в один сборник его стихов, найденное мной в рукописи. Оно относится также к концу 60-х годов. Написанное в юмористическом ключе,

Алексей Плещеев. Вернувшись из ссылки и солдатчины.

Фотография конца 1850-х – начала 1860-х

Поэзия Лермонтова – «милое и прелестное» явление

слания в Сибирь». Оно отличается несокрушимой верой в наступление свободы. Ударна, исполнена большой силы концовка стихотворения: ...Несите твердо рукой Святное знамя жизни новой, Не отступая пред толпой, Бросать камнями готовой В того, кто сон ее смутил... Бог помощь, братья и друзья! Когда желанный день настанет, Пусть ваша дружная семья Отживших нас добром поманет Нас всех, чья молодость прошла силой зла!

Стихотворение проникнуто глубоким лиризмом и какими-то деталями перекликается с пушкинским обращением к узникам Сибири. «Бог помощь вам, друзья мои!»

В Пушкинском кружке

Плещеев – поэт антологический, и творчество его хорошо известно, однако только

вует в одних водевилях, да и то русских доморощенных водевилей, поражающих своей нелепостью. Это героиня с возвышенными чувствами, являющаяся во всех так называемых поэтических и, правильнее можно сказать, лирических драмах. Нет, это прежде всего женщина и потом русская. В Татьяне – русская душа, русский характер, русская природа; в ней все так верно русской действительности, каждый шаг, каждое словечко ее».

И еще одна грань таланта Пушкина покоряла Плещеева: «...он мог живо изобразить чуждую ему природу, отчего его произведения можно принять за национальные создания, принадлежащие описываемой им стране. Хотя Пушкин никогда не бывал в Испании, но в его «Каменном госте» столько же метких характерных черт, как и в драмах испанцев – Лопе де Вега и Кальдерона. Та же способность проникаться духом изображаемого народа, воспринимать его мироощущение, понимать и чувствовать,

достоин ценят Лермонтова, ибо печатать в нескольких переводах можно только произведения содержания неэффективного». Подлинным шедевром, дышащим «творчеством и поэзией», называет Плещеев «Песнь про кушча Калашникова». Он неизменно сопоставляет с ней все другие произведения, посвященные народному быту, но ни одна из вещей, появившихся после лермонтовского творения, не выдерживает сравнения с ней, с тем «отличным знанием русского быта, мастерской попыткой проникнуть, глубоко изучить проявления народного духа в истории, облечь все тонкой художественностью».

Критик и гражданин

Николай Некрасов для Плещеева является подлинным поэтом-гражданином, стихи которого учат «сочувст-

по посвящено чиновничьей службе и мечте поэта освободиться от нее хотя бы путем выгрызши крупную сумму. Услышав радостную весть, Я постарался б приобрести Гербовый лист себе скорей И у Черкасовых дверей, Не чуя под собою ног, Отважно дернул бы звонок. Ответ такой бы я держал: «Борис Иванович! Я вас чту, Но... заветную мечту Свобода мне и вас, ей-ей, милей, Подав в отставку, я домой Вернулся б с радостью большою. Ни ассигновки, ни талан Не тревожили б мой сон, И желто-буры депозит Не отнимал бы аппетит». (Фамилия начальника была Черкасов. – Л.П.)

Любовь Семеновна Пустильник – литературовед.